

- XX veka v kontekste mirovoj kultury: Materialy I Mezhdunarodnoj letnej filologicheskoy shkoly*, Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, pp. 229–232.
- Lukasevich, Ya. (1999) *V zashchitu logistiki* [In defense of logistics], in: *Filosofiya i logika Lvovsko-Varshavskoj shkoly*, Moskva, Izd-vo «ROSSPEN», pp. 219–232.
- Smirnov, V. A. (1989) *Utverzhdenie i predikaciya. Kombinirovannye ischisleniya vyskazyvanij i sobytij* [Assertion and predication. Combined propositional and event calculus], in: *Sintaksicheskie i semanticheskie issledovaniya neekstensionalnih logik*, Moskva, Nauka, pp. 27–35.
- Smirnov, V. A. (1993) *Mnogomernye logiki* [Multidimensional logics], in: *Logicheskie issledovaniya*, vyp. 2, Moskva, Nauka, pp. 259–278.
- Carnap, R. (1966) *Der logische Aufbau der Welt*. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 290 p. (the translation of fragments into: Karnap, R. (2007) *Logicheskoe postroenie mira (fragmenty)* [Logical construction of the world (fragments)], in: *Zhurnal «Erkenntnis» («Poznanie»)*. Izbrannoe, Moskva, Izdatelskij dom «Territoriya budushchego», Ideya-Press, pp. 75–91).

Стаття надійшла до редакції 13.04.2021

Стаття прийнята 12.05.2021

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2021.1\(35\).246740](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2021.1(35).246740)

УДК 130,2 930.85

Сергей Троицкий, Анна Троицкая

М. Ф. ФРЕЙДЕНБЕРГ И ЕГО СЕМЬЯ:

ОДЕССКИЙ СЛЕД В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Исследовательские традиции, сложившиеся в отношении определенных явлений культуры, часто ограничены рамками национальных культур, спецификой изучаемой персоналии и ее творческой деятельности. При этом культурные и социальные запросы, лежащие в основе этих исследований, фактически не подразумевают конвертацию выявленных культурных ценностей из одной национальной (культурной) традиции в другую. Так, однозначному определению культурной идентичности вряд ли поддаются представители пограничных территорий, а также территории, которые обладали фактической экстерриториальностью, свободой в выборе культурной идентификации, как, например, Одесса. Здесь маргинальность зоны культурного пограничья создавала свой уникальный культурный топос, со своей «смешанной» идентичностью, для которой территориальная, этническая, культурная и языковая границы не были абсолютными, были подвижными, создавали условия для формирования, казалось бы, противоречивых представлений о «восточном западе», об «имперской еврейскости», «еврейской русскости» и т.п. Для еврея-одессита большое значение играли собственно-национальная (еврейская) или имперская (русская) составляющая. Внутренние противоречия, имеющиеся в этих идентификационных моделях, либо решались в пользу одной из моделей, либо снимались благодаря локальной идентификационной модели, которую предоставляло ближайшее окружение, названное нами средой. В статье мы хотели бы показать это средовое влияние через личность Михаила Филипповича Фрейденаберга, который известен историкам науки и техники как изобретатель, но мало известен литературоведам (в основном, как отец Ольги Михайловны Фрейденаберг и дядя Бориса Леонидовича Пастернака). На наш взгляд, внимания заслуживает описание художественных и публицистических, а также сатирических сочинений М. Ф. Фрейденберга. С его именем интеллектуальная среда Одессы конца XIX века приобретает целостный облик, вместе с тем обнажая проблему «интеллектуальной тесноты» имперской провинции. Феномен среды концептуализируется на примере семьи М. Ф. Фрейденберга и отношений с родственниками, а также на описании влияния среды на русскую культуру конца XIX – первой половины XX века через становление личностей О. М. Фрейденберг и Б. Л. Пастернака.

Опираясь на имеющиеся биографические данные, мемуары, дневники и другие документы, важно преодолеть дисциплинарные границы и показать, как среда способствует реализации творческих возможностей и как она эти возможности задает.

Ключевые слова: культурная среда, Михаил Фрейденберг, Ольга Фрейденберг, Борис Пастернак, история публицистики, история литературы, история техники, Одесса, русская культура, еврейская культура.

Основой для статьи стали письма М. Ф. Фрейденберга редактору «Вестника Европы» Александру Николаевичу Пыпину, случайно обнаруженные нами в архиве А. Н. Пыпина в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и еще неопубликованные¹. Подобные сопроводительные письма к рукописям вместе с самими рукописями приходили в редакцию одного из лучших и крупнейших российских журналов конца XIX века и лично Пыпину, надо полагать, в огромном количестве. Поэтому сейчас непонятно, что заставило его сохранить эти письма, не выбросить, но именно благодаря этому факту мы можем достаточно много сказать о личности Фрейденберга, его отношении к отцу, о содержании отправленного в редакцию и несохранившегося романа и пр. Писем сохранилось два от 12 и 26 ноября 1884 года, они объединены в одно архивное дело (*Фрейденберг, М. Ф. Письма А. Н. Пыпину*)².

В статье цитируются неопубликованные архивные документы, описание которых приводится в соответствии с принятыми библиографическими нормами. Принятые в описании сокращения: *ДФ ЦМС* – Документальный фонд Центрального музея связи им. А. С. Попова, *ОР РНБ* – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, *ед.хр.* – единица хранения, *Ф* – Фонд, *оп.* – опись. Несколько раз цитируемые документы для удобства в тексте будут обозначены без подробного описания документа, но с указанием конкретного листа (в случае необходимости):

1. *Фрейденберг, М. Ф. Письмо Л. О. Пастернаку 9 декабря 1901 г.* – Фрейденберг, М. Ф. Письмо 9 декабря 1901 г. Л. О. Пастернаку (Архив Пастернаков в Москве).

2. *Фрейденберг, М. Ф. Письма А. Н. Пыпину* – Фрейденберг М. Ф. Письма (9) Александру Николаевичу Пыпину. Одесса. При них – конверт. 12 и 26 ноября 1884 г., 8 лл. (ОР РНБ Фонд 621 (Пыпин, А.Н.), Ед.хр. 941).

3. *Фрейденберг, О. М. Записки* – Фрейденберг, О. М. Записки. Тетрадь 1–2. Пробеги жизни. 1. Самое главное. Автограф с правкой. 145 л. (Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155–157)

Остальные архивные документы сопровождаются полным описанием и вынесены в сноски.

1. (Не)Знакомый М. Ф. Фрейденберг

«Люди захвачены настоящей минутой, которая никому не принадлежит и обнимает их общей бесцветною средою «данного времени» – действительности. Непрерывно наступает все новое и новое настоящее, столь мало принадлежащее, как случайность, постигшая без различия всех. И только прошлое, по-видимому, множится в интимные ряды. Однако я встречал несколько личностей, которые как бы дышат своим собственным временем, у которых показанья их часов, может быть, только – уступка общественному порядку. Что это означает? Это означает, во-первых, некоторую черту бессмертия, проникающую их движения. И затем это говорит о какой-то одинокой их близости со своей судьбой. Судьба эта несколько не порабощает их. Но она как-то неизменно родственна им, как близнец – обязанный тому же как они происхождению.... Присутствие таких людей как-то прерывает действительность: с ними говоришь и уже как будто воспоминание твое повествует о них, вероятно потому, что они никогда не вступали в безразличную среду нашего настоящего», – написал Б. Л. Пастернак о своем дяде М. Ф. Фрейденберге в письме к нему зимой 1913 г., в письме, которое, правда, так и не отправил [Пастернак 2000: 81–82].

Михаил (Моисей) Филиппович (Федорович) Фрейденберг (1858–1920). Его имя мало кому известно, энциклопедии сообщают основные факты, укладывающиеся в несколько абзацев, да вкратце упоминаются его достижения в статьях о Б. Л. и Л. О. Пастернаках и О. М. Фрейденберге³. Между тем, именно вокруг него складывалась общественная и интеллектуальная жизнь Одессы того времени. Сам о себе он пишет в письме к А. Н. Пыпину от 26 ноября: «Я был всем, чем угодно: стоял за прилавком в пивной, учился у маляра, у гравера, у переплетчика (а в промежутках готовился то в Коммерчес[кое] училище, то в... Политехнический институт в Цюрихе...); ездил в Париж для поступления в высшее учебное заведение и очутился на токарной фабрике; был любителем-актером; сделал собственными силами аэростат и летал в качестве аэронавта» (*Фрейденберг М. Ф. Письма А. Н. Пыпину. – Л. 7об*)⁴.

В 1873–1874 М. Ф. Фрейденберг жил в Париже, работал на механической фабрике Феликса Леви. В конце 1880 – начале 1890 гг. учился в Мюнхене у Оскара Конзеля [Лосич, Бажитова 2010: 177]. Это далеко не полный список профессий, в которых пробовал себя наш герой, но «пожалуй, главной страстью и настоящим призванием М. Ф. Фрейденберга было изобретательство» [Костенко (Глазырина) 1994]. Усовершенствование жизни

через технические устройства – это одно из основных направлений его деятельности. Более того, именно благодаря изобретательству он получил разрешение жить в Петербурге без крещения в православную веру⁵. Его изобретения «шли в ногу со временем»: если изготовление из подручных материалов действующего воздушного шара, несколько раз поднимавшегося над Одессой (1881), и разработка совместно с И. А. Тимченко кинетоскопа собственной конструкции (1893), представленного на IX съезде русских естествоиспытателей и врачей, можно назвать «пробой сил», то следующие изобретения уже были признаны современным научно-техническим сообществом. В России работы М. Ф. Фрейденберга не находили интереса, поэтому часть его технических открытий, главным образом, связанных с динамично развивавшейся тогда телефонной индустрией, были запатентованы в Великобритании, это и автоматическая телефонная станция («телефонный соединитель») на 250 номеров (патент № 3954, 1895, изобретено в 1893 совместно с С. М. Бердичевским), и предыскатель для автоматической станции емкостью в 10 000 номеров (патент № 10, 155, 1895), и линейный машинный искатель для автоматической телефонной станции на 1 000 линий и групповые искатели (патент № 18, 912, 1896)⁶. Пытаясь воплотить свои изобретения в Лондоне и Париже, Фрейденберг потратил все личные средства и вынужден был продать разработки фирме Эриксон. Только в самом конце XIX века М. Ф. Фрейденберг смог оформить свои изобретения в России – получил русскую привилегию № 8668 на групповую установку для автоматической телефонной станции (1898) [Рогинский 1976: 55–60]. В 1898 г. для реализации изобретений в Англии создано акционерное общество «Freudenberg's Automatic Telephone Syndicate, Limited». Однако в результате действий нечестных конкурентов, он потерял права на некоторые свои изобретения, а компания была слита с английской компанией «Национальная телефонная компания».

Такой интерес к технологии коммуникации был оценен лишь много позже, во второй половине XX века. Бумаги М. Ф. Фрейденберга, переданные дочерью, были приняты в коллекцию Музея связи имени Попова (ЦМС, ДФ, Фонд 36), и о Фрейденберге заговорили ученые-исследователи истории техники в России как о человеке, который оказался впереди своего времени. «Он смог предвосхитить многие идеи, ставшие понятными обществу только спустя 40–50 лет», – сказал о нем Л. А. Вайнер (Цит. по: [Лихт б/г])⁷. Кроме того, М. Ф. Фрейденберг пытался усовершенствовать все прочие технические устройства, с которыми имел дело. Так, в типографском деле он известен как разработчик новых конструкций типографских наборных машин (линотипов), буквоотливных

машин (1908), а для печати изданий, которые выходили под его руководством, еще в Одессе первый применил новый способ – цинкографию. Кроме того, в 1904 году спроектировал подводную лодку, чертежи которой были отправлены М. Ф. Фрейденбергом в военно-морское ведомство, да там и пропали⁸. В связи с началом Первой мировой войны, видимо, он снова попытался заинтересовать военное ведомство своим изобретением, но опять безуспешно [Рабинянец 2001]. К сожалению, ни одно из его крупных изобретений внедрено не было ни в России, ни в Европе. «У меня было довольно богатое техническое прошлое, – пишет он о себе в «Воспоминаниях изобретателя», – так как с отроческих лет я питал необычайное пристрастие ко всякому ремеслу, ко всякой, так сказать, механике» (ЦМС, ДФ, Ф. 36, оп. 2, ед.хр. 4, л. 1. Цит. по: [Лосич, Бажитова 2010: 176]).

Кроме изобретательства М. Ф. Фрейденберг известен также как организатор первого драматического театра в Евпатории, на сцене которого он ставил спектакли и сам играл (Фрейденбергу было 18 лет). Ему принадлежит авторство ряда пьес, которые ставились в одесских театрах, где он также выступал и сам. Помимо этого, М. Ф. Фрейденберг периодически выступал в печати с обзорами театральной жизни, в своих фельетонах и заметках он часто возвращался к теме театра, жизни актеров и т. д.

«После того как он разочаровался в сценической карьере, М. Ф. Фрейденберг вернулся в Одессу, где познакомился с будущим министром финансов Сергеем Юльевичем Витте. С. Ю. Витте в это время был начальником эксплуатации Юго-западных железных дорог. М. Ф. Фрейденберг работал у него «секретарем коммерческого агента» [Лосич, Бажитова 2010: 177].

Работал, правда, недолго.

Заслуживает внимания его издательская деятельность. Фактически он оказался родоначальником одесской сатирической публицистики, которая в советское время оценивалась как «легковесно-зубоскальная»: не принималась в расчет ситуация того времени с провинциальными журналами и газетами, их не коснулись послабления, введенные в 1865 году в отношении столичных изданий (в частности, отменена предварительная цензура).

«Газета в провинции наполовину состояла из объявлений, четверть ее занимали перепечатки из столичных газет, сообщения телеграфных агентств. Передовицы, как и фельетоны, писались стандартно: в первый день недели – школьный вопрос, во второй – ссудные кассы, в третий – женский вопрос. Регулярные передовицы печатались лишь в газетах крупных городов –

Одессы, Казани, Новороссийска...» [Божко 2005].

Поэтому, даже несмотря на высокий общий культурный уровень одесского читателя, как вспоминал редактор газеты «Одесский листок» А. Е. Кауфман, «многострадальным одесским журналистам приходилось выбирать темы для своих статей с большой опаской. Им разрешалось писать только о погоде, о внешней политике и театральных зрелищах» [Божко 2005]. Значительным событием в 1875 году стал выход литературно-художественного издания «Калейдоскоп», организованного 17-летним М. Ф. Фрейденбергом (псевдоним Оса), к тому времени уже попробовавшего себя в качестве автора в издании «Развлечения», и 19-летним художником-карикатуристом Евгением Де-Брюксом. «Мне тогда было около семнадцати лет, и я бредил литературой» – замечает Фрейденберг в одном из своих мемуарных текстов⁹. В следующем, 1876 году они получили разрешение цензора (им оказался дядя Е. Де-Брюкса) и начали выпуск юмористического (сатирического) журнала «Оса». Журнал выходил в течение трех лет и прекратил существование сразу после смерти Де-Брюкса. «Оса» «взорвала» культурную среду Одессы. Свежий взгляд, точные сатирические попадания в злободневные одесские темы, сразу сделали издание популярным (первый номер разошелся мгновенно, тираж два раза допечатывался, но все равно даже самому Фрейденбергу, желавшему оставить первый номер на память, пришлось заплатить перекупщику за один экземпляр первого выпуска в десять раз больше, чем была его номинальная цена) [Божко 2005]. Издание неизменно пользовалось огромной популярностью на протяжении всех трех лет. Так, из никому неизвестного юноши М. Ф. Фрейденберг стал авторитетом в области сатиры и юмора, его приглашали писать фельетоны и рецензии в воскресный выпуск старейшей газеты «Одесский вестник», вести рубрику «О чем говорят» в газете «Одесский листок» и заведовать художественным отделом в еженедельном юмористическом журнале «Маяк». Последний появился уже на волне успеха «Осы», под покровительством градоначальника П. А. Зеленого, но явно уступал «Осе» в качестве.

Издание первого одесского сатирического журнала оказалось коммерчески успешным проектом, поэтому М. Ф. Фрейденберг запускает и другие: в 1879 году выпускает журнал «Сверчок», а в 1881 берет в аренду у издателя В. В. Кирхнера газету «Пчелка» и превращает ее в качественный еженедельный сатирический журнал с карикатурами, часть листов его даже печаталась в цвете. Для работы в «Пчелке» в качестве карикатуриста был привлечен Л. О. Пастернак, придавший изданию узнаваемый, неповторимый облик. Именно участие М. Ф. Фрейденберга придало журналу популярность, хотя для него самого мероприятие оказалось

убыточным. «Издавал год журнал «Пчелка», но приплатился и окутанный кулаками, прекратил ее, вернувшись к занятиям фельетониста», – пишет он в письме к А. Н. Пыпину от 26 ноября 1884 г. (*Фрейденберг, М. Ф. Письма А. Н. Пыпину. – Л. 70б*). Сатира «Пчелки» становится достаточно едкой, острой, и в конечном итоге приводит журнал под руководством Фрейденберга к проблемам с цензурой.

Действительно, создав известный журнал с собственным мощным коллективом авторов – настолько популярный, что, по словам А. П. Чехова (в письме от 22.03.1885 г. издателю журнала «Осколки» Н. А. Лейкину), он был «в Москве нарасхват» – М. Ф. Фрейденберг отходит от издательской деятельности, требующей определенной коммерческой жилки, которой у «неумного искателя», по-видимому, не было. Он сосредотачивается на писательском труде, сотрудничает с несколькими журналами одновременно. В 1900 году «все одесские газеты очень уважительно отметили 25-летие журналистской деятельности М. Ф. Фрейденберга» [Барковская 2001].

Благодаря участию в «Пчелке» в качестве издателя и в качестве автора М. Ф. Фрейденберг стал известен далеко за пределами Одессы, в 1901 г. переехал с семьей в Петербург, а в 1903 г. был приглашен на работу в редакцию «Петербургского листка». После 1909 года Фрейденберг ушел из «Петербургского листка» и занимался изданием «Всеобщей газеты». «Газетная работа [...] меня уравнивала, дисциплинировала, успокоила», – пишет он (*Фрейденберг, М. Ф. Письма А. Н. Пыпину. – Л. 70б*).

После Октябрьской революции до самой смерти в 1920 году работал директором 15-ой государственной типографии.

В своем очерке о семье Ольги Фрейденберг, описывая ее отца, Наталью Юрьевну Костенко спрашивает: «Как увязать полеты на воздушном шаре, выпуск газет, театральную сцену и мировые открытия, друзей-авантюристов и безалаберную жизнь?» [Костенко (Глазырина) 1994] «В груди копили[сь] силы – и я искал им применение», – кратко объясняет свою многогранность М. Ф. Фрейденберг (*Фрейденберг, М. Ф. Письма А. Н. Пыпину. – Л. 70б*).

2. М. Ф. Фрейденберг – писатель?

В том же письме, перечисляя свой далеко не полный список занятий, М. Ф. Фрейденберг добавляет «За всем этим, постоянно мечтою была и оставалась литература, которою жил и воодушевлялся» (*Фрейденберг, М. Ф. Письма А. Н. Пыпину. – Л. 70б*). Действительно работал он очень много, писал для разных изданий, однако, кроме злободневных фельетонов, карикатур и заметок, пробовал себя в разных жанрах. Восстановить точное количество написанных им произведений достаточно сложно, т. к. М. Ф.

Фрейденберг в печати выступал под разными именами, помимо собственного, использовал псевдонимы, которыми подписывался под журнальными фельетонами и различными сатирическими зарисовками, а также под собственными карикатурами¹⁰. Принадлежность некоторых псевдонимов М. Ф. Фрейденбергу удалось установить И. Ф. Масанову [Масанов 1960: 494]. Часть из них перекликаются с фамилией и/или именем (используются на раннем этапе), часть – с названиями журналов (используются после начала издания «Осы»). Использование литературных прозвищ «Оса», «Пчела», «Пчелка», отсылающих к названиям соответствующих изданий, позволяло М. Ф. Фрейденбергу выступать как бы от их имени, реализовывать тот образ повествователя с его системой паттернов, норм, стереотипов, который был наиболее близок идеологии того или иного журнала. В этом смысле выбор псевдонима для какого-то очередного опуса был техническим, а не творческим, поэтому ни псевдоним Пчела, ни Оса не были оригинальны. По всей России авторов, выступавших под этими псевдонимами, было много, и только по локации журналов можно определить, какие же именно произведения, подписанные Оса, или Пчела, или Пчелка принадлежали перу М. Ф. Фрейденберга. В Одессе он один так подписывался. Даже после окончания издания «Осы» он продолжал выступать под этим псевдонимом большую часть одесского периода, даже в «Пчелке», хотя к 1900 г. он от Осы практически отказался в пользу Пчелы и/или Пчелки. Пчела (Пчелка) гораздо более серьезен, слог более отточен, взгляд на явления жизни более зрелый, чем у молодого, едкого, иногда мелочного, искрометного Осы.

Избранный нарративный образ «Оса» распространялся и на некоторые сочинения, вышедшие отдельными книгами, как, например, «Гамлетовский вопрос. Монолог кассира» и «Находчивый редактор и “еврейский вопрос”» [Оса 1885; Оса 1886].

В 1880-е годы в России возрос театральный интерес к творчеству Шекспира, столичные и провинциальные театры играют пьесы, переведенные лучшими авторами. Шекспир среди драматургов стоит на первом месте, а среди авторов всех жанров – на тринадцатом (впереди только беллетристы) [Горянская 1889]. Стремясь освоить (сделать своим) сюжеты Шекспира, русские авторы создают определенный шекспировский дискурс. «Распространение получают пьески на шекспировские темы, подражания шекспировским драмам» [Ровда 1965: 634]. Шекспировские герои и темы в это время очень популярны, особенно Гамлет с вопросом «Быть или не быть?» в разных вариациях. Такой вариацией стала пьеска «Гамлетовский вопрос. Монолог кассира», написанная М. Ф. Фрейденбергом. Сюжет прост: кассир, искушаемый наличием большой

суммы в кассе, размышляет, взять или не взять их. Сведение шекспировского пафоса к банальной истории свидетельствует об усвоении, принятии темы гамлетовского сомнения в русское сознание, уравнение ее с вопросами повседневными. В отличие от Гамлета кассир пошл, прост, труслив. Образ выписан поверхностно, ничего характерного, «маленький человек» со своими «маленькими» страстями, где страх перед наказанием маскируется под стыдливость и честность. Пьеска написана в виде монолога, больше похожа на фельетон. Герой почти убедил себя в безнаказанности, но сомнение «вдруг поймают» меняет его точку зрения на «я честный человек и никогда не воровал». В этой ситуации любой финал был бы закономерным и странным одновременно, и в любом случае обнаружил бы морализаторскую подоплеку, поэтому то, что герой берет деньги, не кажется странным. Интересно, что берет он их сразу после кульминации самовосхваления как честного человека. Характерна фраза, несколько раз произнесенная героем в ходе его рассуждений, что прожить можно и без денег, «лишь бы в голове что-то было» [Оса 1886].

Довольно смелым и острым можно назвать фельетон М. Ф. Фрейденберга «Находчивый редактор и “еврейский вопрос”», опубликованный отдельной книжицей на год раньше. Одесса в отношении к «еврейскому вопросу» стояла особняком относительно всей остальной провинции, однако и там возникали периодические скандалы, инициированные антисемитскими выступлениями в прессе. Несмотря на то, что еврейские авторы были едва ли не в большинстве среди прочих писавших для одесской печати, проблема существовала. Вместе с тем появление фельетона, достаточно жесткого, показывающего продажного редактора, готового ради повышения тиража идти на все, на антисемитские высказывания, шантаж и пр., означало, что в Одессе-то как раз «еврейский вопрос» не являлся острым, что он там возникал всего лишь как результат экономических сиюминутных «прыжков в сторону», а не жизненной позиции. Одесские газеты были коммерческими проектами, поэтому политическая позиция большинства из них была «выбирать направление любое, подходящее к требованиям времени» [Божко 2005]. Фрейденберг высмеивает подобную «бесхребетность», отсутствие принципа. По сюжету редактор Толстомордов, видя падение тиража и убытки, решает дать в газете «горячий» материал. Что является «горячей» темой? «Еврейский вопрос». Редактор пишет и публикует антисемитский текст, а затем идет к крупному торговцу-еврею Гельдману, предлагая ему и другим еврейским коммерсантам купить годовую подписку на газету (с характерным названием «Недреманое око») в количестве 1000 штук, иначе газета и дальше будет публиковать подобные материалы. Если же коммерсанты пойдут на

условия, то с этого момента газета станет лояльна к еврейскому населению. Опубликованный редактором материал был полон привычных клише агрессивного антисемитизма, например: «Вправе-ли мы допустить, чтобы какой-нибудь ничтожный, паршивый, пропитанный луком жид понукал нами, и не стыдно-ли всем честным русским людям, что мы находимся у него в кабале? Нет, наш патриотизм этого вынести не в состоянии. Бросим в сторону пустые разглагольствования и скажем всенародно: Россия для русских. Долой жидов, долой вампиров и паразитов!» [Оса 1885: 2].

Гельдман сомневается, что после такого пассажа газета сможет органично перепозиционироваться, поэтому обещает подписаться на сто экземпляров после того, как Толстомордов продемонстрирует, как выкрутится. Редактор пишет материал, в котором действительно «выкручивается», напоминая о нравственности, об экономических последствиях изгнания евреев, о гуманности и т. п. Однако Гельдман сообщает, что коммерсанты наотрез отказались давать денег мерзавцу, который сначала пишет одно, а на следующий день противоположное, и нет гарантии, что газета не продается противоположной партии сразу же после получения денег от евреев. При этом, на вопрос Гельдмана о том, неужели подписчики газеты дураки, Толстомордов отвечает, что они в девяносто девяти случаях из ста «без головы», а читают в газете они одни лишь слова и буквы, а не идеи, главное – разнообразие, поэтому все довольны. Отказ Гельдмана приводит редактора в ярость: «Ах ты жид! Мошенник! Наглец! Как ты смеешь так третировать представителя печати?» и т. д. [Оса 1885: 5]. Далее – антисемитская статья Толстомордова. Потом – опять попытка шантажа, и надежда на то, что Гельдман все-таки «раскошелится», опять – смена курса, опять отказ, опять антисемитская передовица. Повествование построено как смена картин. Причем сами тексты статей представлены «картинами» с четными номерами, а картины, в которых участвуют персонажи, – нечетными. Это позволяет Фрейденбергу разделить уровни повествования, выделить жизнь текста в отдельную линию, сопоставить текст и реальную подоплеку. Проблема продажной прессы, цинизма, использования политики в целях обогащения, беспринципности оказывается актуальным и в условиях массмедиальной культуры. Тема кризиса культуры – одна из самых главных в творчестве М. Ф. Фрейденберга.

Под псевдонимом Оса публикуются не только сатирические сочинения, но и еженедельный обзор «Базар житейской суеты» в «Одесском вестнике», где освещены самые разные вопросы – от водопровода до театра. Неудивительно, что Фрейденберг, описывая свою деятельность, отмечает обилие «лихорадочной, упорной, спешной, неблагодарной работы изо дня в день, из недели в неделю, из года в год, работы, о которой не имеет понятия

ни один столичный журналист [...] Немудрено поэтому, что десять лет газетной работы в провинции совершенно подкашивают силы» (Оса. Базар житейской суеты, в: Одесский вестник, 1885, № 178, 11 августа. Цит. по: [Кузичева 2006: 53]). «Целые месяцы и годы только и делаешь, что строчишь, строчишь – сегодня о думе, завтра о водопроводе, о конке [...] ведь это истинная каторга! И причем строчишь к сроку, в беспрестанном возбуждении, без передышки. Газетная работа тем именно ужасна, что срочна [...] Торопись, спеши, поспевай, – вот ее пароль [...] Ну, и торопишься, и спешишь, и мало-помалу совершенно отдаешь себя на съедение этому грозному минотавру, называемому журналисткою» (Оса. Базар житейской суеты, в: Одесский вестник, 1885, № 234, 22 октября. Цит. по: [Кузичева 2006: 53]).

Кроме фельетонов, обзоров и заметок М. Ф. Фрейденберг попробовал себя и в других жанрах. Известно, например, что они совместно с переводчиком и либретистом Иваном Григорьевичем Яроном¹¹ написали оперетту-шарж в трех действиях «Фауст» [Масанов 1956: 417]. В подписи значились только первые буквы имен и фамилий соавторов.

Оставив псевдонимы для журналистики и сатиры, под собственной фамилией М. Ф. Фрейденберг публикует свои путевые заметки о Париже [Фрейденберг 1889]. Заметки написаны живо, интересно, даже захватывающе, имеют внутреннюю историю. Лирический герой – человек средних лет, имеющий юношеское любопытство и открытость к новому, собственные принципы. В книге отсутствуют бытовавшие в литературе стереотипы, связанные с Парижем, автор формирует заново культурную репутацию (термин В. В. Головина) города через воспроизведение собственного опыта, например, через оригинальное описание районных полицейских участков, куда случилось ему попасть. Книга, к сожалению, забыта, но достойна внимания как пример хорошей мемуаристики, путевых заметок.

Отдельного внимания заслуживает, пожалуй, редкий для деятельности М. Ф. Фрейденберга неуспешный случай – история с публикацией, вернее, непубликацией романа «Марера» в журнале «Вестник Европы». Неизвестно, что ответил А. Н. Пыпин, но, по всей видимости, он был не удовлетворён качеством текста, поэтому и отказал в публикации. Судя по письму Пыпину, Фрейденберг начал работать над романом в 1881 году и закончил в 1884. О сюжете романа мы можем судить по тому же письму Фрейденберга, поскольку сам текст романа не сохранился. Роман планировался в двух томах, но в 1884 году была закончен только первый. Второй, остался, по-видимому, в замыслах, и должен был появиться после публикации первого. Вкратце сюжет сводится к следующему: «В первом я

рису служанку, а во втором – дальнейшую участь служанки. Спускаясь ниже и ниже, Марера умирает в больнице» (*Фрейденберг, М. Ф. Письма А. Н. Пытину. – Л. 7*). Герои романа, задуманного как социальная история провинциальных нравов, выведены, скорее, как типичные представители среды, результат ее влияния. М. Ф. Фрейденберг, описывая незатейливый сюжет, поясняет: «Арсений – это недоброкачественный воск, ветер, щепка. Как обстоятельства сложатся, так он и будет поступать, – при этом постоянно колеблясь и воодушевляясь даже порядочными желаниями. Если б условия благоприятствовали ему, то он по/5/волочился бы за горничною и потом пустился бы в бегство. В другом случае, он мог бы развить свое чувство глубже, кой с чем помириться – и тянуть крест до конца. И т. д. Все в его жизни – случай. Лишенный нравственной почвы, воспитанный глупо, односторонне и даже пошло, он скользит по житейским волнам как челнок без балласта. На его беду, мать другого закала. Она имеет свои «правила», свои предрасудки, по своему любит и пр. Конечно, она поражена открытием. Связь сына с горничною! Мечты о браке!.. Она дает волю темпераменту и протестует. Арсений оскорблен. В нем пробуждается упрямство, гордость, совесть и пр. и он, наперекор желаниям матери, идет за Марерой. Но подготовлен ли он к самостоятельной жизни? Пока в кармане деньги, он еще барин; но деньги разошлись, а новых нет и не будет: надо их достать трудом... А тут время сделало свое дело. Видит Арсений, что между им и Марерою целая пропасть, чувствует, что промахнулся, но еще боится самому себе признаться в этом... а тут среда: куда ни бросится – перед ним стойко стоит безмолвный приговор всего общества... Понятно, что уничтоженный и сбитый с позиций, Арсений рад всякому /5об/ выходу из своего положения. Спасителем является Левицкий. Мало по малу Арсений возвращается к прежней жизни и кончает тем, что выгодно женится на Юлии...

Кто же тут виноват? Кто виноват в том, что жизнь Мареры разбита? В отдельности никто. Сам по себе, ведь ей никто не желал зла. Карницкая «спасала» сына и к «подлостям» не прибегала; Левицкий соблюдал свои интересы и как человек не верующий ни во что, не верил и любви Арсения; Юлия – фарфоровая куколка; [нрзб.] – стоит в стороне; Бигич – и сам не знает почему и зачем «коптит небо». Наконец, все общество вообще» (*Фрейденберг, М. Ф. Письма А. Н. Пытину. – Л. 5-6*).

Учитывая, что Пыпин читал рукопись только первого тома романа, Фрейденберг, объясняя схематичность некоторых героев, делает набросок второго тома: «Вот почему некоторые лица и поразили Вас неприятно своею незаконченностью. Их деятельность (напр. Бигича, Леонида, сестер Арсения, Левицкого) впереди. Марера поступает на содержание к Бигичу;

когда она ему надоедает, ее берет под свое покровительство Левицкий и т. д. Марера и в кафе-штангане и содержит лавочку, мечется из стороны в сторону, всюду встречает фальшь, животных, лицемеров; она ожесточается, добрые инстинкты заглушаются, – словом, она идет на разрушение» (*Фрейденберг, М. Ф. Письма А. Н. Пытину. – Л. 7*).

О романе мы можем судить только по сохранившемуся письму, ни о достоинствах ни о недостатках ничего добавить невозможно. Сюжет в литературе того времени был достаточно распространен с различными вариациями. Роковые связи, люди-пустышки, люди-функции, автоматы, сложившиеся под воздействием внешних факторов, чувственная и пространственная теснота, все это было объектом описания русской литературы второй половины XIX – начала XX вв. от Достоевского до Арцыбашева.

Мы можем лишь предположить, какую(ие) нарраторскую(ие) маску(и) мог использовать М. Ф. Фрейденберг, исходя из стилистики и языка писем и других его сочинений. Достаточно вероятным кажется излишнее морализаторство и клишированность образов, языка, сожаление о прошлом, как золотом веке.

В целом же для М. Ф. Фрейденберга (Осы, Пчелы, Пчелки и др.), с его интересом к изобретательству, свойственно механистическое понимание жизни, отсюда стремление к ее техническому (механическому) усовершенствованию. В литературе этот механистический подход отразился в стремлении к усовершенствованию жизни, улучшению (исправлению, починке) нравов, вероятно, отсюда инструментальное понимание литературы, морали, отсюда же происходит и интерес к сатире (как к инструменту).

3. Провинциальный интеллекул М. Ф. Фрейденберг

Топографическая иерархия (ситуация центр-периферия) характеризуется не только распределением функций между ее элементами, но тем, что именно периферия конструирует и утверждает центр [Троицкий 2019: 127–129]. Иерархия, как топографический конструкт, определяет направления социальных, экономических, культурных, политических и др. движений, миграционных потоков, определяет идентификационные модели в рамках данной системы. Представители периферии (провинции) утверждая свой статус, подтверждают положение центра. Центроборческие и центростремительные движения в провинции легко распознаются, особенно на основании письменных и печатных документов, провинциальной публицистики. Ее основные темы – проблемы соответствия культурной нормативности, образцам, диктуемым центром, стремление его «догнать».

М. Ф. Фрейденберг являет собой пример воплощения периферийной идентификации. Потеряв связь с родным городом Праснышем (Польша) и с семьей, он был вынужден много путешествовать по России (жил в Евпатории, Одессе, Петербурге) и Европе. Жил в Париже, откуда «посылал в русскую прессу статьи, и когда одну из них приняли, вернулся на родину» (Фрейденберг, О. М. *Записки*. – Л. 23). Позже снова ездил в Европу, где занимался патентованием своих изобретений.

В качестве второй родины была выбрана Одесса, где еврейское происхождение часто являлось преимуществом (в отличие от большей части Российской империи). Этот портовый город находился на пересечении между Востоком и Западом, и, благодаря финансовым потокам, национальной неоднородности населения и многоязычию, некоторым допущенным политическим и национальным льготам, обладал большими возможностями для реализации интеллектуальных и общественных амбиций, претендовал на роль локального культурного и экономического центра. Экономическая жизнь Одессы была достаточно бурной, она определяла облик и возможности города, как следствие, в культурной жизни достаточно четко выражался именно ее функционализм, позволяющий на первый план поставить не обусловленный идеологическими причинами национальный (еврейский) дискурс, а проблему функционирования системы центр-периферия с признанием или непризнанием себя провинцией. Хотя, справедливости ради, нужно отметить, что национальная (еврейская) идентичность формировалась и сохранялась, примером чему может служить условие сохранения «иудейского вероисповедания» – условие, которое ставил художник Л. О. Пастернак официальным институциям, когда приглашали его к сотрудничеству. В отличие от Пастернака, Фрейденберг с ранних лет потерял свою связь с малой родиной, утратив тем самым ощущение «культурной почвы». В этом смысле он был в большей степени ориентирован на конструкт культурного центра, стремился к нему. Модель системы топографической иерархии предполагает постоянное центростремительное движение (деревня–крупное поселение–город–уездный центр–губернский центр–столица–заграничная провинция–заграничный локальный центр и т. п.) [Троицкий 2019], что и демонстрирует биография М. Ф. Фрейденберга. Для такого движения, чтобы преодолеть конкуренцию представителей центра, закрепиться, сохранять позиции, двигаться дальше по намеченной траектории, меняя локацию, нужны огромные усилия, упорный труд. Это обеспечивает победу в культурном урбанистическом «естественном отборе», выживаемость человеческих особей в агрессивной ситуации доминирования топографической иерархии.

Все это и определяет авторский взгляд М. Ф. Фрейденберга на Одессу как на провинцию, заставляет его отмечать различия между провинцией и столицей, идеализируя последнюю. «Фрейденберг, с высоты своего опыта, советовал художникам: «Пока одесситы научатся дорожить своими даровитыми согражданами, не один из них сойдет в могилу, устав бороться и страдать. Послушайте моего совета, гг. Кузнецов, Размарицын, Буковецкий, Нилус, Кишиневский, Ладыженский, махните рукой на неблагодарный город. Вам место не здесь, а в Москве, Петербурге, Париже, Милане, Флоренции, где понимают и ценят талант» [Барковская 2001].

В отличие от центра (столицы, заграницы), по мнению Фрейденберга, интересы периферии (провинции) мелочны, сиюминутны, поэтому любое появление столичной знаменитости, даже второго ряда, производит в провинции фурор: «Ах ты, моя милая провинция! Как узнаю тебя по этим овациям заезжему певцу, по этой полемике из-за гипнотических опытов провинциального Бишопа! [...] Вот они, наши темы, наши жгучие вопросы!» (Оса. Базар житейской суеты, в: Одесский вестник, 1885, № 238, 27 октября. Цит. по: [Кузичева 2006: 53]).

Причину неудачи с изданием «Пчелки» М. Ф. Фрейденберг видит также в замкнутости интересов провинциальной аудитории: «Общие карикатуры одесситов не интересовали, карикатуры же на местных тузов по разным причинам появлялись редко и притом в очень неудовлетворительном виде» [Божко 2005].

Такая мелочность, замкнутость провинции на себе, отсутствие стремлений к идеалам или самим идеалам, по мнению, М. Ф. Фрейденберга вызывает «застойные процессы». Собственно вся его работа в сатире, как фельетониста и карикатуриста, и даже неизданный роман «Марера», направлены на то, чтобы описать этот застой и его расшевелить.

«Я хотел нарисовать картину провинциальной жизни, жизни семьи, разлагающейся в силу многосложных условий. К этой задаче я подходил честно, т. е. без предвзятой любви и без предвзятой ненависти, воодушевленный в то же время теплою и примиряющею любовью к человеку вообще» (Фрейденберг, М. Ф. *Письма А. Н. Пытину*. – Л. 4об).

Самому Фрейденбергу в Одессе тесно: «В провинции, таких как я множество. Мы мечемся, страдаем, рвемся вперед, нащупываем дорогу к свету – и не можем выбраться из своего заколдованного круга. Минута воодушевления и надежды сменяется днями такого безвыходного отчаяния и недоверия к себе, что готов на самоубийство» (Фрейденберг, М. Ф. *Письма А. Н. Пытину*. – Л. 7).

Топографическая иерархия ориентируется на вертикальное построение отношений, четкую структуру. Центроориентированность предполагает

существование Порядка как высшей идеи, легитимизированной идеологическим конструктом утраты [Троицкий 2019: 129]. В случае с Фрейденбергом мы сталкиваемся с идеей утраты «золотого века». Прошлое идеализируется, возникает вечная тема кризиса культуры (нравов).

«Во всем начинается эра посредственности, царство «золотой середины» началось,— пишет он.— Все нивелируется, тускнеет, блекнет, меняет, расплывается, гаснет, обесцвечивается, и во всех сферах мысли и труда замечается роковая склонность к посредственности. Век богатырей прошел и уступил место пигмеям, бесконечно малым существам, которые выползают из всех щелей и забираются в политику, литературу, науку и искусство... Благородную золотую монету разменяли на мелочь, и только эта мелочь сохранила ценность...» (Оса. Базар житейской суеты, в: Одесский вестник, 1884, № 183, 18 августа. Цит. по: [Кузичева 2006: 50]).

4. Семья и родственники

Отсутствие теплых семейных отношений в отчем доме вынудили М. Ф. Фрейденберга с самых ранних лет скитаться и ценить собственную семью.

О предках М. Ф. Фрейденберга известно немного. Отец Фишель Фрейденберг родился в Прасныше, как и Эстер Рихтер, которая вышла за него замуж. У них родился в 1858 г. Моисей (Михаил). Кроме него в семье еще были дети, по разным источникам известно о брате Александре. По всей видимости, предки жили в Прасныше. В конце XIX века в городе больше половины жителей были евреями (все десять губерний Царства Польского входили в зону оседлости). Затем, вероятно, семья переехала с «задворок государства» на юг империи, а потом в Париж.

Фишель Фрейденберг не отличался детолюбием, и Моисей (Михаил) «ребенком был брошен на руки каким-то людям,— вспоминала О. М. Фрейденберг.— А сами они [Фишель с женой и дочерью] переехали в Париж навсегда. Дедушка был вольтеринец, и не хотел жить в царской России. Это был деспот и дэнди. Его жена (на которую я очень похожа лицом), слабая и кроткая женщина, во всем ему покорялась. Дети стесняли дедушку, и он от них отделялся, обожая и балуя лишь свою единственную дочь. Папа бежал из чужого дома и стал беспризорным мальчиком. Его поймали, водворили, отдали в школу. Он бежал из школы. [...] Удрал из России и зайцем пробрался в Париж, но к родителям не зашел» (Фрейденберг, О. М. *Записки*.— Л. 230б).

Моисей (Михаил) Фрейденберг по возвращении в Россию поселяется в Одессе, где также жил его брат Александр, ослепший народовец, женатый на одесской акушерке. В Одессе снимает жилье на постоялом дворе Иосифа (1813–1898) и Лии Пастернаков (возле Нового рынка на Коблевской, 15, дом

не сохранился). Отец Иосифа – Акива Пастернак – прибыл в Одессу из Галиции и начал заниматься коммерцией. В семье Иосифа было много детей: Давид, Роза, Анна (Ася), Екатерина, Леонид (Ицхак Лейб), Александр. Особую роль в судьбе Михаила Фрейденберга сыграли двое из них – Леонид и Анна.

Леонид Пастернак родился 22 марта (3 апреля) 1862 г. в Одессе и с раннего детства проявлял любовь к «малеванию», чего ближайшие родственники (родители, братья) не разделяли. Отец имел достаточно возможностей, чтобы дать сыну хорошее образование, и Леонид окончил Ришельевскую гимназию. С 1879 по 1881 гг. Леонид учился в одесской рисовальной школе.

О дружбе с М. Ф. Фрейденбергом он написал в своих мемуарах «Записки разных лет»: «Судьба свела нас обоих совершенно случайно, когда я был еще гимназистом средних классов. В наш двор стал ежедневно приходиться молодой человек с ясным открытым умным лицом, со светлыми смеющимися голубыми глазами, всегда с пачкой газет и журналов под мышкой, очень заинтересовавший меня. В первую же минуту я почувствовал какое-то влечение к нему. Оказалось, что он снял комнату у жильцов нашего дома, и каждый раз, когда он возвращался из города к себе домой, я у ворот встречал и провожал его взглядом, чувствуя в нем инстинктивно что-то свое, одинаковое... [...] Обо мне М. Ф. Фрейденберг узнал от меня самого, когда он заговорил со мною в одну из обычных наших встреч у ворот... Однажды шел я по Дерibasовской и столкнулся с идущим мне навстречу Михаилом Федоровичем Фрейденбергом. «Вот кстати! Вы ведь, кажется, рисуете? Не зайдете ли ко мне на минутку?..» – Я очень обрадовался этому. Оказалось потом, что он просто хотел меня проэкзаменовать» [Пастернак 1975: 19–20].

Фрейденберг привлек молодого Леонида Осиповича к участию в «Осе», а затем, когда начал издавать «Пчелку», сделал ставку именно на молодого рисовальщика. Однако Пастернак, развивая свои способности, намеревался заниматься живописью профессионально, а карикатура считалась им второсортным жанром, поэтому сотрудничество их было недолгим, но все-таки очень плодотворным. Обложки, карикатуры Пастернака фактически сформировали образ еженедельного юмористического журнала. Несмотря на то, что сотрудничество прекратилось, дружба между Пастернаком и Фрейденбергом сохранялась до последнего. В личных вещах Фрейденберга, переданных дочерью в Центральный музей связи, сохранилась подаренная Пастернаку фотография с дарственной надписью на обороте: «Аэронавтическому кассиру, соиздателю “Осы”, сотруднику “Пчелки” и дорогому другу Л. Пастернаку. М. Фрейденберг. Одесса 7 февраля 1882 г.»

Известно, каким образом фотография попала обратно в семью Фрейденбергов. Сестра Леонида, Ася, которой нравился молодой журналист, выкрала у брата фотографию. Ася поддерживала брата в его начинаниях и, вероятно, участвовала в предприятиях Пастернака и Фрейденберга. В конце концов, дело закончилось замужеством, и Ася приняла на себя все заботы о семье.

У Фрейденбергов было несколько детей. Средний сын Евгений (1887–1901) умер в тринадцатилетнем возрасте. Старший сын Александр (1884–1938) и младшая дочь Ольга (1890–1955), уже в петербургский период жизни, состоялись каждый в своей профессии.

Александр всю свою жизнь посвятил технике, изобретениям. Несмотря на практически полное отсутствие материалов о его жизни, даже то немногое, что известно, свидетельствует о нем, как о человеке увлекающемся и одаренном: «Автомобилист и гонщик-чемпион, человек одаренный, но неспособный к самоограничению... Беда Саши в том, что он как человек очень своеобразной, фантастической организации был заперт в условиях уклада, абсолютно ему непонятного. Он, как и отец, знал все ремесла, к тому же хорошо играл на рояле, лепил и рисовал...» – характеризовала его сестра Ольга Михайловна Фрейденберг [Тюляков 2009].

Александр Михайлович, еще будучи гимназистом, стал известен как изобретатель мотоциклетного двигателя собственной конструкции. «Заслуга конструктора, – отмечает журнал «Автомобиль» в 1903 году, – состоит в постройке, возможно, первого в России двигателя мотоциклетного типа» (Автомобиль, 1903, № 22. Цит. по: [Тюляков 2009]). В 1908 г. он снова оказывается в центре внимания столичной прессы: «Студент электротехнического института Фрейденберг, – писала о нем газета «Русское слово» 19 (06) марта, – изобрел прибор для взрывания мин и фугасов посредством беспроволочного телеграфа. Опыты удалась блестяще. [...] Аппарат также пригоден для управления минами Уайтхеда (первые образцы торпед) и для печатания буквами. За это изобретение иностранные инженеры предлагают громадную сумму. Фрейденберг известен как один из создателей первого автомобиля в России и как первый изобретатель бензинового двигателя» (Автомобиль, 1903, № 22. Цит. по: [Тюляков 2009]).

Портрет студента-изобретателя А. Фрейденберга был опубликован в журнале «Нива».

Изобретения в области военной техники делают его интересным для оборонной отрасли. В советское время он работал на Государственном оптико-механическом заводе (позже ЛОМО) в должности главного инженера по спецпроизводству. Все изобретения имеют гриф секретности, а они, по всей видимости, были. Известно, что Александр Михайлович

сменил фамилию на Михайлов. В 1937 Фрейденберг был уволен из ЛОМО, работал в ЦПКО им. Кирова инженером. Опасаясь ареста, возможно, надеясь «откупиться», передал в Эрмитаж свою огромную коллекцию монет, но это не спасло его, – 3 августа 1937 года он арестован по подозрению в шпионаже и ровно через пять месяцев расстрелян (реабилитирован в 1989) [Тюляков 2009].

Ольге Михайловне повезло пережить Сталина, но ее также коснулись если не репрессии, то неприятие, непонимание коллег и бытовая неустроенность¹². После войны лишенная возможности публиковаться и работать, она практически умирала с голоду, и вместе с тем страдала от ощущения ненужности.

Ученый-филолог, «первая женщина – доктор литературоведения», как восторженно писала о ней «Красная газета» (1935, 10 июня), создатель и заведующая первой в СССР кафедры классической филологии, всю свою жизнь в науке занималась вопросами культуры, даже тогда, когда работать было невозможно (в блокаду или в годы гонений и запрета заниматься наукой). Высокие требования к себе, желание во всем «дойти до самой сути» определяли ее установки в научной работе¹³. Занимаясь, по преимуществу, проблемами древнегреческой литературы, Ольга Михайловна разрабатывала концепцию происхождения древнегреческих трагедии и комедии из архаического ритуала. Более того, ею был описан целый комплекс разных аспектов ритуала, которые, так или иначе, проявляются в нашей жизни в качестве вещей привычных, обычных, повседневных, необходимых. Ее исследования внесли огромный вклад в изучение начала культуры. Лишь в первое десятилетие после смерти Ольги Михайловны стали появляться работы, посвященные проблемам, поднятым ею. «Генетический метод» исследования был воспринят исследователями настолько, что является доминирующим и в современной культурологии.

Ольга Михайловна всю жизнь поддерживала дружбу с поэтом, во многом определившим образ русской литературы XX века, ровесником-кузеном Б. Л. Пастернаком, в юности была даже влюблена в него. Именно публикация переписки с ним вернула имя Ольги Михайловны Фрейденберг научному сообществу после 25 лет забвения [Пастернак 1981]. Вклад Ольги Михайловны в историю литературы и, более того, в историю культуры сопоставим с вкладом в литературу Бориса Леонидовича Пастернака. После публикации их писем за границей, после их распространения в Москве частным образом, а также последующим посвящением Ольге Михайловне диссертаций и книг, также преимущественно за рубежом, ее работы обрели читателей и последователей. Почти каждый докладчик на Випперовских чтениях в ГМИИ им. А. С. Пушкина в 1985 году ссылался или цитировал

работы О. М. Фрейденберг. «Текст, не обсужденный, не истолкованный и, казалось, толком не прочитанный, как-то сам собой приобрел авторитетный статус» [Брагинская 1998: 746].

Труды Ольги Михайловны переведены и опубликованы за границей, вызывают огромный интерес, используются в научной работе. Еще при жизни на ее работы ссылались Н. Я. Марр, под обаянием концепции которого она долгое время находилась, М. М. Бахтин, занимавшийся проблемой народной смеховой культуры, Вяч. Вс. Иванов, исследовавший вопросы зарождения фольклора и ритуальных практик, и другие.

5. Влияние среды, или Кто виноват?

«Люди сами по себе не злы и не добры; теми или другими их делают обстоятельства, т. е. воспитание, среда, обстановка и пр., причем известную роль играет и наследственность», – описывает замысел своего романа М. Ф. Фрейденберг (*Фрейденберг, М. Ф. Письма А. Н. Пытину. – Л. 4об-5*). Для нас кажется важным упоминание среды, поскольку рассмотрение крупных имен в истории литературы, публицистики, науки предполагает, как правило, описание родственников и друзей только как фактов биографии. Сам определивший направление дальнейшего развития своей отрасли культуры, крупный ученый, писатель, публицист, преподносится как «дитя» своего времени. Он как бы появляется из ниоткуда, у кого-то учится и под чье-то влияние попадает, а потом становится тем, кого знают потомки. Не исключая необходимости подобной акцентуации, кажется не менее важным показать среду, из которой происходит тот или иной ключевой для своей эпохи деятель культуры, те обстоятельства, вопреки и/или в силу которых он становится собой. Под средой мы понимаем не столько культурную среду, термин, сложившийся в науках о культуре как обозначение поля норм и образцов, усваиваемых особью в одностороннем порядке, сколько обращаемся к ее первоначальному биологическому смыслу как к совокупности факторов, определяющих изменение и существование определенных функций организма особи, но также происходит взаимное влияние особи и на саму среду.

Описанная диалектика обеспечивает одновременное действие и центристических и центробежных сил, требующих преодоления пределов, «энергетического заряда», с помощью которого происходит становление и развитие личности. При этом наиболее эффективным и наиболее частым оказывается преодоление провинциальности среды. Важнейшим фактором для такого преодоления чаще всего служит несоответствие происхождения (связанные с ним ограничения) и претензий (потенциал), идентификационная модель и локация.

Практически во всех сферах деятельности, где проявил свой талант Михаил Фрейденберг, первоначально он выступал как дилетант, преодолевающий свое незнание, сопротивление среды и т. п. Важным фактором, повлиявшим на становление его характера, был и весьма травматичный опыт оставления его родителями, когда те уехали из России и бросили сыновей «чужим людям». Описанный уже выше жизненный опыт, полученный в стремлении быть самостоятельным, быть собой, несмотря на лишения (голод, нищета, случайные заработки) и выработанная гордость («Удрал из России и зайцем пробрался в Париж, но к родителям не зашел» (*Фрейденберг, О. М. Записки. – Л. 23об*)).

Фрейденберг реформатировал и интеллектуальную среду Одессы, способствовал раскрытию и становлению ярких и самобытных художников, писателей, ученых, сатириков и т. п. Например, «в «Пчелке» работали известные одесские художники-карикатуристы Н. Белый, М. Вербель, М. Чемоданов, здесь же находим рисунки Осы (Фрейденберга) и грека Н. Алексомати [Щурова 2012: 315].

Запущенный механизм **преодоления среды** стал причиной появления в литературе Б. Л. Пастернака и в науке О. М. Фрейденберг, определивших во многом лицо XX века, каждый в своей области. «Одесский период жизни О. М. Фрейденберг, а он продолжался до 1901 г., когда семья переехала в Петербург, заключен в тесный, даже замкнутый, домашний круг: ближайшие друзья – кузены Борис и Александр Пастернаки» [Костенко (Глазырина) 1994]. В отношении О. М. Фрейденберг можно утверждать, что замкнутость среды, в условиях которой проходило взросление, становление ее личности, обеспечила ей нетривиальность исследовательских стратегий, оригинальность взгляда на изучаемые проблемы и их решение. Вместе с тем, замкнутость среды, «тепличный» характер ее снизили уровень ее стрессоустойчивости – вырванная из среды переездом семьи в Петербург, она демонстрирует свою психологическую «слабость», приписываемую «органической неспособностью сдавать экзамены, отвращением к «системе деланного опроса» [Костенко (Глазырина) 1994]. Хотя, говоря об Ольге Михайловне, нельзя не учитывать биографических обстоятельств: жестокое отношение к ней в гимназии, издевательства со стороны одноклассников (поводом издевательств было ее еврейское происхождение и вероисповедание), и смерть среднего брата Евгения, после которой семья переехала в Петербург. И, конечно, вопрос с крещением, против которого резко выступала женская половина семьи, был очень стрессовым, в 1903 г. Анна Осиповна с Леонидом Осиповичем даже обсуждала в письмах возможность развода с Михаилом Филипповичем, который настаивал на крещении в православие.

Неудивительно, что для выращенных в условиях замкнутой среды детей огромное влияние имели родители. «Ольга Михайловна постоянно называет себя двойником отца, говорит о нем то, что вполне применимо и к ней самой, поиск корней и причин почти всех главных поступков ее жизни в отце, вплоть до объяснения своей судьбы, которая действительно во многом совпадает с отцовской» [Костенко (Глазырина) 1994], у которого она даже некоторое время работала секретарем. Возможно, стремление к «самой сути» является результатом культивируемого в семье Пастернаков-Фрейденберг культурного «синтаксиса» XIX века, в соответствии с ним некоторые элементы повседневной жизни были вытеснены в зону умолчания и о них неприлично было говорить напрямую, – можно только описательно-иносказательно [Троицкий 2014: 65–68].

Образ и пример отца, вероятно, определил и выбор профессии, и увлечение изобретательством старшего сына Александра Михайловича.

Так, стремление к восстановлению полноты смыслов в жизни М. Ф. Фрейденберга становится стратегией, определенной установкой на преодоление среды и многолетнего поиска собственного предназначения, который вряд ли мог бы быть завершен.

6. Еврейство как фактор среды¹⁴

Отдельного внимания в связи с Фрейденбергами (как, правда, и с Пастернаками) заслуживает их еврейское происхождение, которое безусловно определяло их жизненные стратегии, хотя и не главным образом. Конечно, каждый из членов семьи вынужден был сформировать свое отношение к собственному еврейству, переход в православие и обратно не был жизненной необходимостью, а производился добровольно. При этом, естественно, ни о какой, условно говоря, «чистоте» православия (русскости) или еврейства речи не идет. Более того, мы считаем, что и русскость, выражаемая, например, в языке повседневного общения, и еврейскость, выражаемая, например, в генетической наследственности или первоначальном вероисповедании, являлись в равной степени элементами среды. Они, как, впрочем, и другие факторы-элементы среды, обеспечили определенный самобытный характер локальной семейной «культуры», ставшей базой для развития заложенных талантов, реализации природного потенциала.

Вероисповедание для самого М. Ф. Фрейденберга не было существенным фактором, если не считать соображений прагматики, с точки зрения которой еврейское происхождение имело ряд неудобств в повседневной жизни в Российской империи, особенно для жизни в столицах. Несмотря на то, что сам М. Ф. Фрейденберг своим вероисповеданием не

дорожил и называл его «еврейским рабством» (Фрейденберг, М. Ф. *Письмо Л. О. Пастернаку 9 декабря 1901 г.*), креститься ему для переезда в Петербург не пришлось (было найдено решение с получением ремесленного аттестата¹⁵). «Преодоление» среды привело, в том числе, к отказу от абсолютизации национальности (крови) и прагматизации религии (духа). «Я так же мало верю в Мессию, как в парламент, народн[ое] – прим. Н. Ю. Костенко] представ[ительство – прим. Н. Ю. Костенко] и т. д., – пишет в 1901 г. в письме к Л. О. Пастернаку Фрейденберг. – Я ненавижу всякую тиранию, как бы она не называлась» (Фрейденберг, М. Ф. *Письмо Л. О. Пастернаку 9 декабря 1901 г.*). Однако вместе с прагматическим отношением к религии, Михаил Филиппович в том же письме формулирует вполне христианское этическое кредо, напоминающее кантовский категорический императив, который, к слову, тоже герметичен (замкнут на субъекта и его ответственность и не нуждается во внешнем регуляторе): «Моя религия – человек, справедливость, доброта. Я люблю ближнего (по крайн[ей] – прим. Н. Ю. Костенко] мере, стараюсь любить) как самого себя и не желаю другому того, чего не желал бы себе» (Фрейденберг, М. Ф. *Письмо Л. О. Пастернаку 9 декабря 1901 г.*). Из соображений прагматичности пришлось перейти в православие сыну М. Фрейденберга Александру (чтобы закончить гимназию), за что Михаилу Филипповичу пришлось «оправдываться» перед Леонидом Пастернаком: «Что изменяет форма, к которой прибеж Саша? Разве он и весь его род (если таковой будет) не останется еврейским по происхождению? Саша останется евреем, ибо факта никакими обрядностями не вычеркнешь – но только без пейсов, [...] и всей «талмудической чепухи». Он только освободился от цепей – больше ничего. И если бы мой отец во время оно проделал это самое со мною, я был бы несказанно счастлив» (Фрейденберг, М. Ф. *Письмо Л. О. Пастернаку 9 декабря 1901 г.*).

Ольга наотрез отказалась тогда креститься, и даже в 1916 г. в свидетельстве, выданном ей для жительства в Петрограде, указано ее еврейское происхождение, правда, в советском паспорте, по всей видимости, указана была как русская [Галеркина 1996(1998): 431]. Но с началом кампании по борьбе с космополитизмом собиралась перейти обратно в еврейство [Там же].

«То, что было для других вековой традицией, для Фрейденберг – личным поступком. Она ходила с солдатами в церковь [когда была во время Первой мировой войны сестрой милосердия – прим. С.Т., А.Т.], стояла на службе, хотя крещена не была, напротив, в свое время восстала против намерения своего обожаемого отца крестить всю семью ради доступа к образованию и снятия многих других ограничений. Это казалось ей унижительным,

несмотря на то что от иудаизма и иудейской традиции на практике отошли уже ее родители» [Брагинская 2017: 11].

Отношение Ольги Михайловны к национальности и тесно связанному с ней вопросу вероисповедания носил, по всей видимости, характер принципиальный, выражающий личную ответственность, экзистенциальную честность, а не глубокой веры. Именно поэтому она, по сообщению Н. Ю. Костенко, изучает Закон Божий, интересуется баптизмом, древними культами, но все они остаются в поле ее интереса как элементы научной теории; именно поэтому она так скептически настроена по отношению к сионизму и его пропаганде, в частности, к усилению сионистских связей Л. Пастернака после его эмиграции [Фрейденберг 2017], в частности, для описания сионистов употребляет такие определения, как «жиды», «вошь жидовства», «ожидовели», «ожидовевшее еврейство», «закоснелое еврейство», «жалкие людишки с духом эмигрантства», «мировые попрошайки», «прихлебатели Берлина». Резкие выражения стали реакцией Ольги Михайловны на усилившиеся после переезда в Берлин контакты Л. О. Пастернака с лидерами русско-еврейской диаспоры, подготовку и публикацию монографии о Пастернаке на «древне-еврейском», а также на якобы участия деятелей сионистского движения в подготовке выставки русских художников в США, что, правда, было домислом Фрейденберг. Все эти сложившиеся вместе события вызвали у нее сильнейший протест, поскольку, по ее мнению, сильно сужали значение Пастернака до локального «местечкового» национального художника. Условно обращаясь к невидимым мнимым собеседникам-сионистам, делающим из дяди еврейского художника, Ольга Михайловна восклицает: Пастернак «стал Пастернаком, вырвавшись из вашей среды, чужой вам по духу, русский душой, европеец живой, свежий талант. [...] Чем вы его поддержали в молодости? [...] А теперь, когда он признан, но жизненно слаб, вы приходите в убогих румянах погубившей национальности, вы колеблете и совращаете большого человека [...], играете на его струнах благородного, истинного национального сердца» [Фрейденберг 2017: 24–25].

Неудивительно, что ее гнев в связи с этим вылился в достаточно едкие и жесткие замечания относительно «еврейства», которые, правда, могли быть написаны только очень близкому человеку, а совсем не для широкой публики. Именно стремлением воспротивиться против любого национального ограничения и объясняются ее резкие слова о еврейском возрождении («жидовские ренессансы», «потуги пигмеев, необразованных невежд в своей же истории», «желание возродить мертвый язык мертвого царства»), о «чистой» еврейской культуре («в то время, как живая культура

умирает в положенный срок, селедки сохраняются в консерве. Талмудическая религия, Моисеев закон сохранили, законсервировав евреев для очень долгого употребления»), об интерпретации Бога сионистами (Бог преподносится как универсальный, похожий «на универсальный магазин, где товар всем доступен своей дешевой пошлостью») [Там же: 22–23]. Фрейденберг указывает на разницу между первыми евреями и современными сионистами: «Мощный некогда народ, исповедовавший красивого еврейского Ваала, гневного Саваофа, оставивший дивную языческую литературу, [...] поносится теперь еврейскими ново-греками с губками, певцами погромов и монографий для Америки!» [Там же: 23] В современных условиях невозможно сохранять «чистоту» национальности, веры, культуры, – слишком много влияний. Пастернака она называет «европеец, [...] сердце Анубиса, дух античной культуры» [Там же: 22], противопоставляя сионистам, а себя, сравнивая с ними, настоящей еврейкой: «Это я, а не Бялик, чту национальность: продолжаю служить Владыке Природы, Ваалу и Адону, я вбираю в себя и растворяю себя в культуре, среди которой живу, я ловлю шаги Жизни, и когда она прикажет мне умереть, я умру. [...] Не убегу я от Бога своего и не уклонюсь. Я – еврейка, и кровь ветхозаветных жрецов течет и в моей крови» [Там же: 23].

Учитывая, что цитируемое письмо было личным и потому ему свойственны какие-то более открытые и резкие высказывания, которые в произведениях другого жанра автор вряд ли себе позволил бы, и несмотря на то, что Ольге Михайловне было свойственно обострение противоречий, как авторский писательский и риторический прием, в письме высказаны взгляды, которые, по всей видимости, были характерны и для ее семьи, и для семьи Пастернаков. О последнем свидетельствуют пометки на письме, сделанные рукой Л. О. Пастернака (наверху листа – «великолепно о евреях» и внизу – «великолепно»).

Фактически именно Ольга Михайловна сформулировала в некотором смысле кредо отношений к традиционализму как к среде, парадоксально предполагая, что именно ее преодоление и есть сохранение собственно еврейства. Сожалея о связях Пастернака с сионистами-традиционалистами, и вспоминая Спинозу и Рембрандта, которые стали «знаменем» традиционалистов и главным аргументом убеждения в необходимости возвращения к «еврейской среде», она указывает, что именно преодоление и противостояние их традиционалистской среде сделало их первыми величинами.

Благодарим Н. Ю. Костенко и Н. В. Брагинскую за бесценные биографические данные и чуткие советы, Б. Бегуна и Е. Волощук за

настойчивость и педантичность, Н. И. Лосич за помощь в работе с Фондом М. Ф. Фрейденберга в Центральном Музее Связи им. А. С. Попова.

Примечания

¹ Статья представляет собой расширенную версию главы, опубликованной в коллективной монографии «Блуждающие звезды» [Troitskiy & Troitskaya 2020]. Материалы, представленные в статье, были представлены в качестве доклада на конференции «Blondzhende Stern. J?dische SchriftstellerInnen aus der Ukraine als Grenz?ngerInnen zwischen den Kulturen in West und Ost» 12 мая 2017 года в Европейском Университете Виадрина (Франкфурт-на-Одере, Германия).

² В ДФ ЦМС, Ф 36 (Фонд М. Ф. Фрейденберга) также хранятся интересные документы, раскрывающие особенности этой неоднозначной личности. Особенного внимания заслуживают неопубликованные «Воспоминания изобретателя», написанные Фрейденбергом в 1913 г. (ДФ ЦМС, Ф. 36, оп. 2, ед. хр. 4).

³ По-английски см., напр., [Braginskaya 2016: 288–289]. Одна из немногих специальных статей о М. Ф. Фрейденберге, основанной на архивных материалах из ЦМС им. Попова – [Лосич, Бажитова 2010]. К этой публикации можно добавить две статьи В. Н. Рогинского [Рогинский 1950; Рогинский 1976], в которых основное внимание уделено описанию изобретений Фрейденберга.

⁴ Ср. *Фрейденберг, О. М. Записки. – Л. 23*. История с воздухоплаванием примечательна тем еще, что, не будучи специалистом в химии, с просьбой прислать состав оболочки воздушного шара, не пропускающей газ, Фрейденберг обратился к Д. И. Менделееву (Письмо М. Ф. Фрейденберга проф. Д. И. Менделееву от 14 апреля 1880 г., рукопись, ЦМС, ДФ, Ф. 36, оп. 1, ед. хр. 19), который откликнулся на просьбу.

⁵ «Сегодня я сдал работу, которая признана блестящей, и я получил аттестат мастера по физико-механике. [...] Таким образом, у меня в руках и ремесло, и право жительства вне заколдованного круга» (Фрейденберг, М. Ф. Письмо к Л. О. Пастернаку, 23 марта 1904 года. Архив Пастернаков в Москве).

⁶ Документы сохранились в ЦМС, ДФ, Фонд 36, оп. 1 (ед. хр. 1; ед. хр. 7, л. 50; ед. хр. 3, л. 17; ед. хр. 12).

⁷ Высокого оценил предыскатель и В. Н. Рогинский, специально исследовавший изобретения Фрейденберга и посвятивший ему две статьи [Рогинский 1950; Рогинский 1976].

⁸ См. переписку М. Ф. Фрейденберга и Л. О. Пастернака (Архив Пастернаков в Москве, письма 29 января 1904 г. и 29 августа 1904 г.). Леонид Осипович помогал с чертежами.

⁹ Фрейденберг, М. Ф. Двадцать пять лет цензорской опеки. Рукопись, 1913. ЦМС, ДФ, Ф. 36, оп. 2, ед. хр. 15, л. 2. Цит. по: [Лосич, Бажитова 2010: 176].

¹⁰ Оса (Пчелка, 1880-х гг.; Одесский Листок, 1880–90-х гг.; Одесские Новости, 1890-х гг.; Южно-Русском Альманахе (Одесса), 1900); М. Осанин; Пчела (Шут, 1901–06; Петербургский Листок, 1916); Пчелка (Шут, 1900–1906); Ф. (Маяк, 1881); М. Ф–г (Развлечение, 1875); ...берг.. (Маяк, 1882); И. Я. и М. Ф.; М. Ф. (Маяк, 1881–1882; Пчелка, 1884); Миша Пересемешников (Маяк, 1881–1882).

¹¹ О нем см. [Поляков 1919: 319]. Также о нем упоминает его племянник [Ярон 1960].

¹² В письме 1923 года к Л. О. Пастернаку она, иронизируя над своим положением, пишет: «И Вы думаете я в сапогах? В ботах? Нет-с, в опорках, дядя, наг, аки благ. Будущая звезда Севильи, я влачу жалкое существование в бедности. [...] И в моей сейчас жизни, на фоне университетской зависти, ученых степеней и «творческих» достижений стоит только вопрос, как бы раздобыть на калоши» [Фрейденберг 2017: 21–22].

¹³ Понимая уровень своих исследований, адекватно оценивая их значение после того, как магистерская работа была признана докторской она пишет: «Степеней сейчас нет; но, черт возьми, приятно в мои годы, по первой студенческой работе, минуя степень магистра, застать себя на докторате классической филологии, первом в России – а, может, и в Европе – для женщины. Прёт из меня что-то, дорогой дядя, ей-Богу, а что – еще и сама не знаю. Чувствую временами, что летну далече, – где упаду, неизвестно» [Фрейденберг 2017: 21].

¹⁴ Об еврействе как идентификационной модели существует обширная литература. Особенно интересно в связи с нашей проблематикой: [Baigell 2006; Complex 2001; Das Recht 2004].

¹⁵ Скорее всего, речь в письме идет об аттестате № 241, выданным Одесской общей ремесленной управой в связи с присвоением ему звания «мастера физико-механического ремесла по слесарно-механическому цеху» с правом открыть мастерскую [Рогинский 1976: 59].

Список использованной литературы

- Барковская, О. (2001) *Пастернак, «Пчелка» и Оса*, в: *Мигдаль Times*, № 7 (Февраль). Дата обращения: 16.04.2017. Режим доступа <http://www.migdal.org.ua/times/7/3023/>.
- Божко, А. (2005) *Направление любое, подходящее к требованиям времени*, в: *Мигдаль Times*, № 63 (Сентябрь–октябрь). Дата обращения: 16.04.2017. Режим доступа <http://www.migdal.org.ua/forum/5670/>.
- Брагинская, Н. В. (1998) *Послесловие ко второму изданию*, в: *Фрейденберг*

- О.М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп., Москва: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, сс. 745–766.
- Брагинская, Н. В. (2017) *Русская революция в мемуарах и письмах О.М. Фрейденберг*, в: *Вопросы литературы*, № 5, Москва, сс. 9–20.
- Галеркина, Б. Л. (1996 (1998)) *Минувшее сегодня. Эпизоды*, в: *Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры*, т. 2, № 4, сс. 353–433.
- Горянская, С. Ф. (1889) *Первые бесплатные городские читальни в С.-Петербурге (Организация их и итоги деятельности за 1888 год)*, в: *Русская мысль*, № 10, сс. 86–96.
- Костенко (Глазырина), Н. Ю. (1994) *Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых: по материалам личного архива проф. О. М. Фрейденберг: дипломная работа. Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ист-арх. ин-т, Фак. арх. дела, Каф. Археографии*, Москва: РГГУ, 130 с. Дата обращения: 16.04.2017. Режим доступа <http://freidenberg.ru/Issledovanija/Diplom/Glaval1/>.
- Кузичева, А. П. (2006) *Театральная критика российской провинции: 1880–1917: коммент. антология*, Москва: Наука, 592 с.
- Лихт, Р. (б/г) *Черновик биографии Пастернака*. Дата обращения: 16.04.2017. Режим доступа <http://www.port-folio.org/2006/part168.htm>.
- Лосич, Н. И., Бажитова, Л. И. (2010) *Две стихии (о многогранном таланте М. Ф. Фрейденберга)*, в: *Телекоммуникации: история инноваций: Материалы Третьих научных чтений памяти А.С. Попова, посвященных Дню радио – празднику работников всех отраслей связи (6 мая 2010 г.)*. СПб.: Центральный музей связи имени А. С. Попова, сс. 176–183.
- Масанов, И. Ф. (1956) *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 1*. Москва: Книжная палата, 442 с.
- Масанов, И. Ф. (1960) *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 4*. Москва: Книжная палата, 558 с.
- Оса [Фрейденберг, М. Ф.] (1885) *Находчивый редактор и «еврейский вопрос»*. Одесса: тип. «Одесского вестника», 8 с.
- Оса [Фрейденберг, М. Ф.] (1886) *Гамлетовский вопрос. Монолог кассира*. Одесса: тип. «Одесского вестника», 16 с.
- Пастернак, Б. (1981) *Переписка с Ольгой Фрейденберг* / под ред. и с коммент. Э. Моссмана. New York-London: Harcourt Brace Jovanovich, 377 с.
- Пастернак, Б. (2000) *Пожизненная привязанность: переписка с О. М. Фрейденберг* / сост., вступл. и прим. Е. В. и Е. Б. Пастернак. Москва: Арт-Флекс, 416 с.
- Пастернак, Л. О. (1975) *Записи разных лет*. Москва: Советский художник,

- 287 с.
- [Поляков, А. С.] (1919) И. Г. Ярон [Некролог], в: *Бирюч*, № 17–18 (апрель), сс. 319.
- Рабинянц, А. Г. (2001) *Борис Пастернак и Петербург*, в: *Петербургский Рериховский сборник*, СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, вып. 4, сс. 254–261.
- Ровда, К. И. (1965) *Восьмидесятые годы. Шекспир перед народной аудиторией. Издания переводов и перделок. Новые переводы (К. Случевский, С. А. Юрьев, Дм. Мин, П. Гнедич, Д. В. Аверкиев, А. Месковский)*, в: *Шекспир и русская культура* / Под ред. М. П. Алексеева. Москва–Ленинград: Наука, сс. 627–698.
- Рогинский, В. Н. (1950) *Изобретатель системы автоматической телефонной связи*, в: *Вестник связи*, № 7 (124), июль, сс. 20–23.
- Рогинский, В. Н. (1976) *Вклад русских изобретателей в развитие автоматической коммуникации*, в: *Электросвязь*, № 3, сс. 55–60.
- Троицкий, С. А. (2014) *Язык как инструмент цензуры*, в: *Обретение смысла. Чтение и письмо как философская проблема*. СПб: Санкт-Петербургское философское общество, сс. 60–68.
- Троицкий, С. А. (2019) *Конструкт травмы как основа для формирования топографической иерархии*, в: *Неприкосновенный Запас*, № 1, сс. 123–131.
- Тюляков, С. (2009) *Фамилия мастеров высокой марки*, в: *Военно-промышленный курьер*, № 43 (309), 4 ноября. Дата обращения: 16.04.2017. Режим доступа <http://vpk-news.ru/articles/5991>.
- Фрейденберг, М. Ф. (1889) *Русский в Париже: Из воспоминаний русского неписателя* / [Соч.] М. Фрейденберга. Одесса: тип. М. Фрейденберга, 144 с.
- Фрейденберг, О. М. (2017) *Письмо Л. О. Пастернаку, осень 1923*, в: *Новое о Пастернаках. Материалы Пастернаковской конференции 2015 года в Стэнфорде* / Под ред. Л. Флейшмана. Москва: Азбуковник, сс. 21–25.
- Щурова, Т. (2012) *«И светло, и легко, и отрадно...»*, в: *Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах «Дерибасовская – Ришельевская»*, № 50, сс. 314–326.
- Ярон, Г. М. (1960) *О любимом жанре*. Москва: Искусство. Дата обращения: 16.04.2017. Режим доступа http://krotov.info/libr_min/28_ya/ro/n_1.htm.
- Complex Identities: Jewish Consciousness and Modern Art* (2001), edited by Matthew Baigell and Milly Heyd. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 301 p.

- Das Recht des Bildes: jüdische Perspektiven in der modernen Kunst; [anlässlich der Ausstellung Das Recht des Bildes – Jüdische Perspektiven in der Modernen Kunst im Museum Bochum vom 21. September 2003 bis zum 04. Januar 2004]* (2004). Bochum, 382 s.
- Baigell, M. (2006) *Jewish art in America: An introduction*. Lanham: Rowman & Littlefield, 280 p.
- Baigell, M. & Heyd, M., eds. (2001) *Complex Identities: Jewish Consciousness and Modern Art*, New Brunswick, NJ, Rutgers University Press, 301 p.
- Braginskaya, N. (2016) *Olga Freidenberg: a Creative Mind incarcerated*, in: *Women Classical Scholars: Unsealing the Fountain from the Renaissance to Jacqueline de Romilly*, edit. R. Wyles, E. Hall. Oxford: Oxford University Press, pp. 286–312.
- Troitskiy, S. & Troitskaya, A. (2020) *Mikhail Freidenberg: Ein Intellektueller jüdischer Herkunft in der Geschichte der russischen Literatur und Kultur; in: Schoor, Kerstin / Voloshchuk, Ievgeniia / Bigun, Borys (Hg.): Blondzhende Stern. Jüdische Schriftstellerinnen und Schriftsteller aus der Ukraine als Grenzgänger zwischen den Kulturen in Ost und West*. Göttingen: Wallstein, Ss. 153–170.

Сергій Троїцький, Анна Троїцька

**М. Ф. ФРЕЙДЕНБЕРГ І ЙОГО РОДИНА:
ОДЕСЬКИЙ СЛІД У РОСІЙСЬКІЙ КУЛЬТУРІ**

Дослідницька традиція, яка склалася щодо певних явищ культури, часто обмежена рамками національних культур, специфікою персоналії, яка вивчається, та її творчою діяльністю. При цьому культурні та соціальні запити, які складають основу цих досліджень, фактично не передбачають конвертацію виявлених культурних цінностей із однієї національної (культурної) традиції до іншої. Так, однозначному визначенню культурної ідентичності навряд чи піддаються представники прикордонних територій, а також територій, які мали фактичну екстериторіальність, свободу у виборі культурної ідентифікації, як, наприклад, Одеса. Тут маргінальність зони культурного прикордоння створювала свій унікальний культурний топос, зі своєю «змішаною» ідентичністю, для якої територіальні, етнічні, культурні та мовні кордони не були абсолютними, були рухливими, створювали умови для формування, здавалося б, суперечливих уявлень про «східний захід», про «імперську єврейськість», «єврейську російськість» тощо. Для єврея-одесита більше значення мали власно-національна (єврейська) чи імперська (російська) складова. Внутрішні суперечності, які мали ці ідентифікаційні моделі, або розв'язувалися на користь однієї з цих моделей, або усувалися завдяки

локальній ідентифікаційній моделі, яку давало найближче оточення, яку ми називаємо середовищем. У статті ми маємо бажання показати цей середовищний вплив через особистість Михайла Філіповича Фрейденберга, який відомий історикам науки та техніки як винахідник, але мало відомий літературознавцям (зокрема, як батько Ольги Михайлівни Фрейденберг і дядя Бориса Леонідовича Пастернака). На наш погляд, уваги заслуговує опис художніх і публіцистичних, а також сатиричних творів М. Ф. Фрейденберга. З його ім'ям інтелектуальне середовище Одеси кінця XIX століття набуває цілісний вигляд, разом із тим оголюючи проблему «інтелектуальної тисняви» імперської провінції. Феномен середовища концептуалізується на прикладі родини М. Ф. Фрейденберга та стосунків з родичами, а також на описі впливу середовища на російську культуру кінця XIX – першої половини XX століття через становлення особистостей О. М. Фрейденберг і Б. Л. Пастернака. Спираючись на наявні біографічні дані, мемуари, щоденники й інші документи, важливо подолати дисциплінарні межі та показати, як середовище сприяє реалізації творчих можливостей і як воно ці можливості задає.

Ключові слова: культурне середовище, Михайл Фрейденберг, Борис Пастернак, історія публіцистики, історія літератури, історія техніки, Одеса, російська культура, єврейська культура.

Sergey Troitskiy, Anna Troitskaya

**MIKHAIL FREIDENBERG AND HIS FAMILY:
THE ODESSA TRACE IN RUSSIAN CULTURE**

Research traditions that have developed in relation to certain cultural phenomena are often limited by the framework of national cultures, the specifics of the studied personality and its creative activity. At the same time, the cultural and social demands underlying these studies do not actually imply the conversion of the identified cultural values from one national (cultural) tradition to another. Thus, it is unlikely that representatives of border territories, as well as territories that had actual ex-territoriality and freedom to choose cultural identification, can give in to an unambiguous definition of cultural identity. Odessa was good example of it. Here the marginality of the frontier cultural zone created its own unique cultural topos, with its “mixed” identity, for which the territorial, ethnic, cultural and linguistic boundaries were not absolute, were mobile, created conditions for the formation of seemingly contradictory ideas about the “eastern West”, about “imperial Jewishness”, “Jewish Russianity”, etc. For the Jewish citizen of Odessa, the national (Jewish) or imperial (Russian) component played a great role. The

internal contradictions that exist in these identification models were either resolved in favor of one of the models, or removed due to the local identification model provided by the immediate environment, which we called the environment. In this article, we would like to show this environmental influence through the personality of Mikhail Filippovich Freidenberg, who is known to historians of science and technology as an inventor, but little known to literary historian (mainly as the father of Olga Mikhailovna Freidenberg and the uncle of Boris Leonidovich Pasternak). In our opinion, the description of the artistic and journalistic, as well as satirical works of Mikhail Freidenberg deserves attention. With his name, the intellectual environment of Odessa at the end of the XIX century takes on a holistic appearance, at the same time exposing the problem of “intellectual crowding” of the imperial province. The phenomenon of the environment is conceptualized by the example of the family of Mikhail Freidenberg and relations with relatives, as well as by describing the influence of this environment on Russian culture in the late XIX – first half of the XX century through the formation of the personalities of Olga Freidenberg and Boris Pasternak. It is important to overcome disciplinary boundaries and show how the environment promotes the realization of creative opportunities and how it sets these opportunities. We do it based on the available biographical data, memoirs, diaries and other documents.

Keywords: cultural environment, Mikhail Freidenberg, Olga Freidenberg, Boris Pasternak, Russian culture, Jewish culture, history of literature, history of technology, Odessa.

References

- Barkovskaya, O. (2001) *Pasternak, “Pchylka” i Osa* [Pasternak, “Pchylka” and Osa], v: *Migdal Times*, № 7 (February). Retrieved 16.04.2017 from <http://www.migdal.org.ua/times/7/3023/>.
- Bozhko, A. (2005) *Napravlenie lyuboe, podhodyascheye k trebovaniyam vremeni* [Any direction that suits the requirements of the time], v: *Migdal Times*, № 63 (September-October). Retrieved 16.04.2017 from <http://www.migdal.org.ua/forum/5670/>.
- Braginskaya, N. V. (1998) *Posleslovie ko vtoromu izdaniyu* [Afterword to the second edition], v: *Freidenberg O. M. Mif i literature drevnosti*, the 2nd edition, Moskva, Vostochnaya literature, pp. 745–766.
- Braginskaya, N. V. (2017) *Russkaya revoliutsiya v memuarakh i pismakh O. M. Freidenberg* [Russian Revolution in the memoirs and letters by O. M. Freidenberg], v: *Voprosy Literatury*, № 5, Moskva, p. 9–20.
- Freidenberg, M. F. (1889) *Russkiy v Parizhe: Iz vospominanij russkogo neposeda* [Russian Russian in Paris: From the memoirs of a Russian fidget], Odessa,

- Tipografia M. Freidenberga, 144 p.
- Freidenberg, O. M. (2017) *Pismo L. O. Pasternaku, osen 1923* [The Letter to Leonid Pasternak, autumn 1923], v: *Novoe o Pasternakah. Materialy Pasternakovskoy konferencii 2015 goda v Stenforde*, Moskva, Azbukovnik, pp. 21–25.
- Galerkina, B. L. (1996 (1998)) *Minuvsheye segodnya. Episodii* [The past today. Episodes], v: *Russian Studies. Yezhekvartalnik russkoy filologii i kultury*, vol. 2, № 4, p. 353–433.
- Goryanskaya, S. F. (1889) *Pervye besplatnye gorodskie chitalni v Sankt-Peterburge (Organizatsiya ikh i itogi deyatel'nosti za 1888 god)* [The first free city reading rooms in St. Petersburg (Their organization and the results of their activities for 1888)], v: *Russkaya mysl*, № 10, p. 86–96.
- Kostenko (Glazyrina), N. Y. (1994) *Problemy publikatsii memuar'nogo i epistol'nogo naslediya uchyonykh: po materialam lichnogo arkhiva prof. O. M. Freidenberg* [Problems of publishing the memoir and epistolary heritage of scientists: based on the materials of the personal archive of Prof. O. M. Freidenberg]. Graduation work. Russian State Humanitarian University, East-arch. in-t, Fac. arch. affairs, Department of Archeography. Moskva, RSHU, 130 p. Retrieved 16.04.2017 from <http://freidenberg.ru/Issledovaniya/Diplom/Glava1/>.
- Kuzicheva, A. P. (2006) *Teatral'naya Kritika rossiyskoy provintsii 1880–1917: kommentirovannaya antologiya* [Theater criticism of the Russian province: 1880–1917: comment anthology], Moskva, Nauka, 592 p.
- Likht, R. *Chernovik biografii Pasternaka* [Draft of Pasternak's biography]. Retrieved 16.04.2017 from <http://www.port-folio.org/2006/part168.htm>.
- Losich, N. I. & Bazhitova L. I. (2010) *Dve stihii (o mnogogrannom talante M. F. Freidenberga)* [Two Elements (on the multifaceted talent of M. F. Freidenberg)], v: *Telekommunikatsii: istoriya innovatsiy: Materialy Tretikh nauchnykh chteniy pamyati A. S. Popova. posvyashchennykh Dnyu radio – prazdniku rabotnikov vseh otrasley svyazi (6 maya 2010 g.)*, Sankt-Peterburg, Centralnyi muzey svyazi imeni A. S. Popova, pp. 176–183.
- Masanov, I. F. (1956) *Slovar psevdonimov russkikh pisatelej, uchenykh i obshchestvennykh deyatelej: V 4 t.* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures: in 4 vol.], vol. 1, Moskva, Knizhnaya palata, 442 p.
- Masanov, I. F. (1960) *Slovar psevdonimov russkikh pisatelej, uchenykh i obshchestvennykh deyatelej: V 4 t.* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures: in 4 vol.], vol. 4, Moskva, Knizhnaya palata, 558 p.
- Osa [Freidenberg, M. F.] (1885) *Nahodchivyi redaktor i «evrejskiy vopros»*

- [The resourceful editor and the “Jewish Question”], Odessa, Tipografia “Odesskogo vestnika”, 8 p.
- Osa [Freidenberg, M. F.] (1886) *Gamletovskiy vopros. Monolog kassira* [Hamlet’s question. The cashier’s monologue], Odessa, Tipografia “Odesskogo vestnika”, 16 p.
- Pasternak, B. (1981) *Perepiska s Olgoy Freidenberg* [Correspondence with Olga Freidenberg], New York, London, Harcourt Brace Jovanovich, 377 p.
- Pasternak, B. (2000) *Pozhiznennaya privyazannost: perepiska s O. M. Freidenberg* [Lifelong attachment: correspondence with O. M. Freidenberg], Moskva, Art-Flex, 416 p.
- Pasternak, L. O. (1975) *Zapisi raznykh let* [Notes of different years], Moskva, Sovetskiy hudozhnik, 287 p.
- [Polyakov, A. S.] (1919) *I. G. Yaron [Necrologue]*, v: *Biruch*, № 17–18 (April), p. 319.
- Rabinyantz, A. G. (2001) *Boris Pasternak i Peterburg* [Boris Pasternak and Petersburg], v: *Peterburgskiy Rerikhovskiy sbornik* [The St. Petersburg Roerich Collection], vol. 4, Sankt Peterburg, Izdatelstvo Saankt Peterburgskogo universiteta, pp. 254–261.
- Roginskiy, V. N. (1950) *Izobretatel sistemy avtomaticheskoy telefonnoj svyazi* [Inventor of the automatic telephone communication system], v: *Vestnik svyazi*, № 7 (124) (July), pp. 20–23.
- Roginskiy, V. N. (1976) *Vklad russkih izobrateley v razvitie avtomaticheskoy kommunikacii* [Contribution of Russian inventors to the development of automatic communication], v: *Elektrosvyaz*, № 3, pp. 55–60.
- Rovda, K. I. (1965) *Vosmidesyatye gody. Shekspir pered narodnoj auditoriej. Izdaniya perevodov i peredelok. Novye perevody (K. Sluchevskij, S.A. Yuriev, Dm. Min, P. Gnedich, D. V. Averkiev, A. Meskovskiy)* [The eighties. Shakespeare in front of a popular audience. - Editions of translations and alterations. New translations (K. Sluchevsky, S. A. Yuryev, Dm. Min, P. Gnedich, D. V. Averkiev, A. Meskovsky)], v: *Shekspir i russkaya kultura*, Moskva, Sankt Peterburg, Nauka, pp. 627–698.
- Schurova, T. (2012) *“I svetlo, i legko, I otradno...”* [“It is both light, and easy, and pleasant...”], v: *Almanac “Deribasovskaya-Rishelevskaya”*, № 50, pp. 314–326.
- Troitskiy, S. A. (2014) *Yazyk kak instrument cenzury* [Language as a tool of censorship], v: *Obretnie smysla. Chtenie i pismo kak filosofskaya problema*, Sankt Peterburg, Sankt Peterburgskoe filosofskoe obshestvo, pp. 60–68.
- Troitskiy, S. A. (2019) *Konstrukt travmy kak osnova dlya formirovaniya topograficheskoy ierarhii* [The trauma construct as a basis for the forma-

- tion of a topographic hierarchy], v: *NZ*, № 1, pp. 123–131.
- Tyulyakov, S. (2009) *Familia masterov vysokoy marki* [Family of high level masters], v: *Voенно-promyshlennyi kurier*, № 43 (309) (November 4). Retrieved 16.04.2017 from <http://vpk-news.ru/articles/5991>.
- Yaron, G. M. (1960) *O lyubimom zhanre* [On the favorite genre], Moskva, Iskusstvo. Retrieved 16.04.2017 from http://krotov.info/libr_min/28_ya/ro_n_1.htm.
- Complex Identities: Jewish Consciousness and Modern Art* (2001), edited by Matthew Baigell and Milly Heyd. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 301 p.
- Das Recht des Bildes: jüdische Perspektiven in der modernen Kunst; [anlässlich der Ausstellung Das Recht des Bildes – Jüdische Perspektiven in der Modernen Kunst im Museum Bochum vom 21. September 2003 bis zum 04. Januar 2004]* (2004). Bochum, 382 s.
- Baigell, M. (2006) *Jewish art in America: An introduction*. Lanham: Rowman & Littlefield, 280 p.
- Baigell, M. & Heyd, M., eds. (2001) *Complex Identities: Jewish Consciousness and Modern Art*, New Brunswick, NJ, Rutgers University Press, 301 p.
- Braginskaya, N. (2016) *Olga Freidenberg: a Creative Mind incarcerated*, in: *Women Classical Scholars: Unsealing the Fountain from the Renaissance to Jacqueline de Romilly*, edit. R. Wyles, E. Hall. Oxford: Oxford University Press, pp. 286–312.
- Troitskiy, S. & Troitskaya, A. (2020) *Mikhail Freidenberg: Ein Intellektueller jüdischer Herkunft in der Geschichte der russischen Literatur und Kultur*, in: *Schoor, Kerstin / Voloshchuk, Ievgeniia / Bigun, Borys (Hg.): Blondzhende Stern. Jüdische Schriftstellerinnen und Schriftsteller aus der Ukraine als Grenzgänger zwischen den Kulturen in Ost und West*. Göttingen: Wallstein, Ss. 153–170.

Стаття надійшла до редакції 3.04.2021
Стаття прийнята 2.05.2021